

Домброван Т. И.

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АНИЗОТРОПИИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

В статье явление заимствования рассматривается с позиций диахронической лингвосинергетики и трактуется как проявление анизотропных свойств языковой системы. Показано, что разные уровни языка обладают неодинаковой степенью анизотропии.

Ключевые слова: анизотропия, диахроническая лингвосинергетика, заимствование, история английского языка, эволюция языковой системы.

Домброван Т. И. Запозичення як прояв анізотропії мовної системи. – Стаття.

У статті явище запозичення розглядається з позицій діахронічної лінгвосинергетики та інтерпретується як прояв анізотропних властивостей мовної системи. Показано, що різним рівням мови властивий різний ступінь анізотропії.

Ключові слова: анізотропія, діахронічна лінгвосинергетика, запозичення, історія англійської мови, еволюція мовної системи.

Dombrovan T. I. Borrowing as manifestation of language system anisotropy. – Article.

The article advances a new approach within the study of language development, namely – diachronic linguosynergetics. The linguistic phenomenon of borrowing is regarded as a manifestation of anisotropy of language system. It is argued that various language levels are characterized by different degrees of anisotropy.

Key words: anisotropy, borrowing, diachronic linguosynergetics, history of the English language, language development.

Человеческий язык, будучи динамичной, открытой системой, изменяется постоянно, и в этом нет ничего удивительного. Дж. Эйтчисон утверждает: «В мире, где люди стареют, головастики превращаются в лягушек, а молоко в творог, было бы странным, если бы только язык оставался неизменным» [8, 4]. По мнению Л. Кемпбелл, изменения в языке естественны и неизбежны, это «факт жизни, <...> хорошо или плохо – они просто есть», поэтому любые жалобы о том, что язык изменяется, являются тщетными и несерьезными [12, 3, 4].

Анализ публикаций последних лет показывает, что интерес исследователей к проблемам развития языков не угасает. В частности, в современных условиях глобализации требуют всестороннего освещения различные стороны межъязыковой коммуникации. Межъязыковые контакты и сопутствующий им процесс заимствований выступают одним из факторов, способных спровоцировать изменения в отдельной подсистеме языка или даже в системе в целом.

Цель статьи состоит в рассмотрении феномена заимствования с позиций новой исследовательской парадигмы – синергетической. Использование методологии и исследовательского инструментария синергетики в лингвистических студиях способствовало оформлению нового междисциплинарного направления в науке о языке – лингвосинергетики. Обращение к лингвосинергетике представляется актуальным и вызвано необходимостью методологического обновления современной науки о языке, основанного на междисциплинарном подходе к объекту изучения с учетом новейших достижений в области естествознания, что позволяет значительно расширить исследовательское пространство, а также обогащает науку о языке новыми приемами и методами научного анализа.

Изучение языковой системы в развитии, выявление и описание механизмов ее изменения и самоорганизации, моделирование и прогнозирование динамики языковых явлений – эти и другие аспекты жизни языка составляют объект исследования и предмет анализа развиваемой нами диахронической лингвосинергетики [4; 5].

Термин *анизотропия*, используемый в тексте статьи, заимствован из естествознания и обозначает зависимость свойств вещества или материала от направления воздействия на него. Анизотропия основывается на пространственной упорядоченности структуры той или иной субстанции. В контексте нашего исследования под *анизотропией языковой системы* понимается скалярное свойство языковой системы противостоять (тогда можно говорить о низкой степени анизотропии) или поддаваться в той или иной мере внешним воздействиям, то есть влиянию среды (в этом случае говорим о средней или высокой степени анизотропии). Частным случаем анизотропии можно считать степень «сопротивляемости» *различных подсистем* языка к чужеродным элементам.

История становления и развития английского языка складывалась таким образом, что английский язык, как, пожалуй, ни один другой из европейских языков, подвергся значительному иноязычному влиянию. Однако степень этого влияния на подсистемы языка была разной и, как правило, обуславливалась сопутствующим действием ряда факторов политического, экономического и культурного планов. Кратко рассмотрим основные источники влияния на английский язык.

Следы кельтских языков. Общеизвестно, что в середине V в. н. э. германские племена начали массовое заселение Британских островов, где на протяжении нескольких столетий жили кельты, сумевшие сохранить свой язык, несмотря на дли-

тельное римское господство (с 50-х гг. до н. э. по первую половину V в. н. э.). Завоевание новых территорий длилось около полутора столетий. В результате германцы фактически разгромили римско-кельтскую культуру, вытеснили и/или физически истребили местное население. Язык захватчиков стал господствующим: не было необходимости в использовании языка побежденных. Это частично объясняет незначительное количество слов кельтского происхождения (главным образом топонимов и антропонимов), сохранившихся в современном английском языке.

Исследователи выделяют три этапа влияния кельтских языков на английский [13, 91–93]:

- 1) до 450 г., включает заимствования в германские языки из кельтских языков на континенте;
- 2) 450–1400 гг., включает заимствования в результате контактов английского и кельтских языков до и после принятия христианства (VII в.);
- 3) влияние кельтских языков на английский после 1400 г.

К континентальному пласту заимствований в германские языки относятся названия предметов хозяйства (*carrus* «повозка, телега»), домашних животных (*ass* «осел» < др.-англ. *assa* < кельтс. **as(s)in*), ландшафта (*dūn* «холм» > совр. англ. *down*), металлов (*iron* «железо» < др.-англ. *īren* < кельтс. *jārn*; *lead* «свинец» < др.-англ. *lēad* < кельтс. *lūaide*), названия рек *Rhine* (Рейн) и *Danube* (Дунай).

Ко второму этапу заимствований относят главным образом топонимы и ландшафтные наименования (например: *Avon* от *afon* «река», *Dover* от *dwt* «вода», *loch* «озеро», *cumb* «глубокая долина»), а также названия городов (*Cardiff*, *Belfast*, *London*), название реки *Thames* и другие.

Третий этап заимствований включает период после XV в., когда в английский язык из кельтских языков Великобритании и Ирландии вошло множество существительных, среди которых назовем такие (даты приводятся по словарю «Oxford English Dictionary»): в 1425 г. *clan* «клан» (гаэльск. *clann*), в 1450 г. *bard* «певец», в 1512 г. *plaid* «плед» (гаэльск. *plaide*), в 1571 г. *shamrock* «клевер, трилистник», в 1715 г. *whiskey* «виски», вытеснившее старое *usquebaugh* (гаэльск. *uisge beatha* – лат. *aqua vitae*) и другие.

Важным представляется тот факт, что заимствованию подлежали преимущественно существительные. Прилагательные кельтского происхождения отмечены лишь в топонимах, например: *Glenmore* «огромная долина» или *Kilmore* «большая церковь» (-*more* < кельтс. *mor/maur* «великий, большой»). Другие части речи среди кельтских заимствований не отмечены.

Влияние скандинавских языков. Заимствования из скандинавских языков в результате заселения датчанами и норвежцами огромной террито-

рии Британских островов, именуемой Областью датского права, обнаруживают себя только к концу древнеанглийского периода и началу среднеанглийского периода. Безусловно, о времени вхождения того или иного иноязычного элемента в язык-реципиент мы можем судить только относительно, ориентируясь на дошедшие до нас письменные памятники, в которых искомые элементы зафиксированы. Естественно, что вначале заимствование попадает в устную речь, и лишь с течением времени оно может закрепиться в языке, получив соответствующую письменную форму. Следовательно, в письменном языке мы получаем инновации, уже прошедшие некоторые стадии «притирки» к новым условиям функционирования. Поэтому вполне прав Б.А. Ильиш, который утверждает: «К моменту их проникновения в литературный язык это уже были не скандинавские слова как таковые, а диалектизмы, то есть слова, характерные для северных английских диалектов» [6, 166].

Генетическое родство нескольких контактирующих германских языков (древнеанглийского, древних норвежского и датского) затрудняет определение точного объема заимствованной лексики. Ученые не раз отмечали, что не всегда можно определить, является ли то или иное слово английским, или же оно заимствовано из скандинавского, поскольку многие слова в обоих языках были одинаковыми по звуковому составу [1, 118]. С одной стороны, это значительно облегчало процесс коммуникации, а с другой – способствовало смешению двух языков. Важно, что скандинавы учились письменности у англичан.

Скандинавские элементы обнаруживаются в топонимах не только поселений в Области датского права, но и в Англии. Это объясняется тем, что зачастую название поселению давалось соседями, а не самими жителями. Таким образом, если в названии селения присутствует скандинавский антропоним, это означает, что владельцем этого поместья был скандинав. Если же в топониме выделяется скандинавское нарицательное существительное, это свидетельствует о том, что окружающее население было носителями скандинавских диалектов. Скандинавскими по происхождению являются элементы *-by* «деревня, город», *-toft* «земельный участок», *-beck* «ручей», *-ness* «мыс», *-carr/-ker* «кустарник», *-dale* «долина», *-fell* «гора», *-forth* «залив», *-gill* «ущелье», *-lund* «роща», *-mire* «болото», *-scar* «утес», *-scough* «лес», *-thorp(e)* «деревня», *-gate* «дорога» и некоторые другие [1, 116]. Широкая распространенность скандинавских элементов в британской топонимике указывает на значимость влияния норвежского и датского языков на английский.

О высокой степени смешения рассматриваемых языков свидетельствует заимствование оби-

ходной лексики, причем не только из разряда существительных, но (что представляется очень важным) и других частей речи, включая глаголы (например, современные английские слова *call, cast, die, gape, get, give, scare, scrape, scream, take, want* скандинавского происхождения), прилагательные (например, *meek, low, loose, wrong, ill, ugly, rotten, happy*), союзы (сканд. союз *þo* > совр. англ. *though* стал использоваться вместо др.-англ. *þēah*) и предлоги (др.-сканд. *við*, др.-англ. *wið* > совр. англ. *with*).

Основным среди заимствований из скандинавских языков признаётся заимствование местоимений, а именно: неопределенного местоимения *same*, местоимения *both* и личного местоимения 3 лица множественного числа *þeir* (> совр. англ. *they*), которое вытеснило форму *hīe*, а также формы *þeirra* (> совр. англ. *their*) вместо *hira* и, соответственно, формы *þeim* (> совр. англ. *them*) вместо *him*. Подобная замена была обусловлена, очевидно, тем, что, с одной стороны, формы местоимений 3 лица единственного числа мужского, женского и среднего родов, а с другой – формы местоимения 3 лица множественного числа сложно дифференцировались в связи со сходством звучания и написания (см. таблицу 1).

Таблица 1

Склонение личных местоимений 3 лица в древнеанглийском языке

Падеж	Формы местоимений 3 лица единственного числа			Множественное число
	Мужской род	Женский род	Средний род	
Именительный	<i>he</i>	<i>heo/hio</i>	<i>hit</i>	<i>hi/hie/heo</i>
Родительный	<i>his</i>	<i>hire</i>	<i>his</i>	<i>hira/hiera</i>
Дательный	<i>him</i>	<i>hire</i>	<i>him</i>	<i>him</i>
Винительный	<i>hine/hiene/hyne</i>	<i>hi/hie</i>	<i>hit</i>	<i>hi/hie/heo</i>

Появление в системе личных местоимений форм, начинающихся с *P* (> *th-*), не могло рассматриваться как нечто совсем чуждое системе-реципиенту, поскольку в древнеанглийском языке существовали указательные местоимения (функционировавшие также как относительные), из которых позднее развился определенный артикль, имевшие в начале словоформы букву *P* (см. таблицу 2).

Внедрение иноязычного элемента в грамматическую парадигму языка-реципиента следует рассматривать как проявление крайне высокой степени анизотропии языковой системы. Как правило, грамматическая система языка проявляет устойчивость к внешним воздействиям, поскольку является основой, каркасом сложной сети

взаимодействия разноуровневых единиц языка, и ответственна за сохранность жизнеспособности и функциональности всей системы. «Расшатывание» грамматической системы извне может привести к переключению управляющих параметров, а в результате – к реорганизации отдельной части системы или всей системы в целом.

Таблица 2

Склонение указательных местоимений в древнеанглийском языке

Падеж	Формы указательных местоимений единственного числа			Множественное число
	Мужской род	Женский род	Средний род	
Именительный	<i>se</i>	<i>seo</i>	<i>þæt</i>	<i>þa</i>
Родительный	<i>þæs</i>	<i>þære</i>	<i>þæs</i>	<i>þara</i>
Дательный	<i>þæm</i>	<i>þære</i>	<i>þæm</i>	<i>þæm</i>
Винительный	<i>þone</i>	<i>þa</i>	<i>þæt</i>	<i>þa</i>

Тесные лингвистические контакты между англосаксами и скандинавами проявились не только в заимствовании лексики и, соответственно, обогащении вокабуляра языков. Отмечены случаи «возрождения» исконных единиц, считавшихся устаревшими и/или малоупотребительными, однако «реанимированных» благодаря наличию сходных элементов в контактируемых языках. Примером может служить предлог *till*, который, по наблюдениям О. Есперсена, встречается только один или два раза в древнеанглийских памятниках доскандинавского периода, однако позднее получает взрывное распространение на севере, откуда распространяется на юг. О. Есперсен отмечал, что в датском языке существовал такой же предлог, который употреблялся для указания как на время, так и на пространство; современные шотландцы используют его подобным образом [15, 66].

Как результат межъязыковых контактов в ряде случаев отмечается семантический сдвиг, включая расширение значения или сужение значения английского слова под влиянием родственных скандинавских параллелей. Например, др.-англ. *yift* > *gift* вначале означало «выкуп за невесту», затем расширило свое значение и сейчас обозначает «дар, подарок». Сужение семантического объема наблюдаем в истории слова др.-англ. *eorl* > *earl*, которым в древнеанглийском языке называли благородного человека и/или храброго воина и/или человека вообще. Во времена правления скандинавского короля Кнута и его наследников (1016–1042 гг.) это слово под влиянием норвеж. *jarl* «приближенный к королю» приобрело значение «граф» [15, 69].

Из сказанного следует, что скандинавское влияние на английский язык было осязаемым практи-

чески на всех языковых уровнях, правда, с разной степенью анизотропии.

На фонетическом уровне степень анизотропии английского языка низкая, поскольку на систему звуков древнеанглийского языка скандинавские языки практически не повлияли (о чем упоминалось ранее).

На морфемном уровне след межъязыковых контактов проявился в заимствовании отрицательно-го префикса *ǣ* > *un-* (конечно, не отдельного префикса, а в составе слов; однако префикс оказался высокопродуктивным, продолжая функционировать в английском языке и в настоящее время). Заимствование словообразовательных элементов и дальнейшее их использование в языке-реципиенте в качестве строительного материала для образования новых единиц является важным показателем глубины воздействия иноязычного влияния на этот язык и увеличивает степень анизотропии языка-реципиента.

Наиболее высокая степень анизотропии является на лексическом уровне, что иллюстрируется большим количеством заимствованных из скандинавских языков лексем (причем не только существительных, но и других частей речи), сохранившихся и в топонимике, и в диалектах, и в литературном языке.

Влияние древнескандинавских языков на грамматическую организацию английского языка также значительно, проявилось оно не только в заимствовании служебных слов (предлогов, союзов) и форм личного местоимения 3 лица множественного числа, но и в катализе процесса упрощения и последующей утери падежных флексий, что способствовало типологической перестройке английского языка.

В области синтаксиса предложения влияние скандинавских языков обычно видят в резко возросшем в среднеанглийский период употреблении придаточных определительных предложений, вводимых контактно, без союзного слова, при этом предлог ставился в конце предложения (как, например, в современном английском: *This is the man I was speaking about/to*). Предложения такого типа в древнеанглийском языке встречались крайне редко, поэтому О. Есперсен приписывает развитие этой структуры влиянию датского языка [15, 82].

В сфере синтаксиса словосочетания скандинавскому влиянию также приписывают включение *get* в качестве вспомогательного глагола в конструкцию страдательного залога [1, 128] и возросшее число сочетаний *глагол + предлог/наречие* как прообраз фразовых глаголов [11, 422–423].

Заимствования из французского языка. Фонетическая и грамматическая подсистемы английского языка проявили устойчивость к воздействию норманнского французского языка (XI–XIV вв.).

Самое осязаемое влияние на английский язык было в области лексики. Заимствовались юридические термины, слова, связанные с государственным управлением, организацией армии, церкви, а также номинации культурных артефактов. Важным представляется не столько сам процесс импортирования новых слов, сколько тот факт, что новые слова входили в английский язык вместе с новыми *понятиями*; в результате межъязыковых и межкультурных контактов преобразовалась картина мира британцев средневековья. Такой подход позволяет рассматривать процесс заимствования не только как процесс обогащения лексического состава языка, но и как «способ взаимообмена культур» [2, 99].

Огромному притоку французских лексических единиц в словарь английского языка способствовали также определенные внешние факторы. Следует обратить внимание, что эти факторы отсутствовали во времена скандинавского влияния на английский язык. Иными словами, каждый период в истории развития языка характеризуется своим особым паттерном внешних факторов воздействия на эту открытую языковую мегасистему. К подобным факторам относим такие:

1) *престижность (социальный фактор)*. Число завоевателей (имеется в виду армия Вильгельма – не более 10–15 тыс. человек) и переселившихся впоследствии норманнов (до 20 тыс.) было всё же незначительным по сравнению с общей численностью населения Англии (около 2 млн человек) во второй половине XI в. [1, 132]. Переселенцы, как правило, не смешивались с местным населением (как скандинавы), по крайней мере, на первых порах. Язык захватчиков стал языком правящих кругов. Среди приближенных к королю и ко двору практически не было англичан. Произошло расслоение общества на правящую франкоговорящую верхушку и англоговорящие низы. Владеть французским языком и читать французскую литературу стало престижным, поскольку косвенно свидетельствовало о социальном статусе человека. Знание иностранного языка способствовало проникновению отдельных слов в родной язык.

2) *социальный фактор*. Языком государственного управления и судопроизводства был французский. Однако для ведения судебных слушаний, как и для разбирательства жалоб англоязычного населения, без знания английского обойтись было невозможно. Лишь в 1362 г. парламент официально закрепил за английским языком право использоваться в суде. Духовенство (как правило, носители французского языка) аналогично проповедовало на латыни, однако чтобы сделать проповеди понятными англоязычным прихожанам, священники были вынуждены изучать английский язык. В результате параллельное использование

языков взаимно их обогащало, множество французских слов вошло в узуз англичан.

3) *социально-экономический фактор*. Несмотря на то, что французский язык стал официальным языком государства, знание английского было крайне необходимым для предпринимателей-французов среднего сословия, стремившихся расширить границы своего бизнеса на британской территории. Смешанные браки среди представителей среднего сословия способствовали возникновению билингвизма, когда дети от таких браков владели обоими языками.

Известно, что английский язык заимствовал не только из норманнского диалекта французского языка, но и из центрального французского (как результат тесных и постоянных контактов Англии с Францией). Этот факт объясняет наличие в современном английском языке семантических дублетов с фонетическими альтерациями. Например, *warrant* (Norman, появилось в английском в 1225 г.), *guarantee* (Central French, 1624 г.), *warden* (Norman, 1225 г.), *guardian* (Central French, 1466 г.), *gaol* (Norman, 1163 г.), *jail* (Central French, 1209 г.) [11], сохранение которых в языке неизбежно вызвало их семантическую дифференциацию.

Использование французских заимствований параллельно с их английскими эквивалентами привело к образованию синонимических рядов. С синергетических позиций лексическая подсистема языка перешла в хаотическое состояние, так называемый перемешивающий слой. Существование синонимов требовало их семантической и стилистической дифференциации.

Сопоставляя пары сохранившихся синонимов, из которых один является исконным, другой – французским, О. Есперсен отмечал, что исконный «всегда ближе к сердцу нации», поскольку имеет «самые сильные ассоциации с тем, что представляется первобытным, фундаментальным, популярным (народным), в то время как французское слово – чаще более официальный, более вежливый и утонченный вариант, и не имеет сильных связей с эмоциональной стороной жизни» [15, 99]. Так, например, прилагательные *hearty* и *cordial* («сердечный»), из которых второе является заимствованием, различаются по своей «эмоциональной силе». О. Есперсен указывал: «*A hearty welcome*» теплее, чем «*a cordial welcome*», к тому же прилагательное *hearty* гораздо богаче по семантике (*sincere*, *heartfelt*; *vigorous*: *a hearty slap on the back*; *abundant*: *a hearty meal*). Аналогичным образом выражение «*Help! Help!*» эмоционально более окрашено и выражает более глубокую зависимость и необходимость, чем заимствованное «*Aid! Aid!*» [15, 100].

Отсутствие у заимствований «сильных связей с эмоциональной стороной жизни» объясняем тем, что исконные слова входят в тесные устоявшиеся

концептуальные взаимосвязи, как бы вплетены в сеть базовых национальных концептов, отражая через сознание народа тот или иной фрагмент действительности. По голографическому принципу они восстанавливают целостную картину мира и систему ценностей носителей этого языка. Заимствованные же слова способны нести в чужой язык лишь фрагменты развитых в своем языке концептов (поскольку импортируются отдельные единицы, а не целостный концепт), и такая фрагментарность сказывается на парадигматических связях заимствований в языке-реципиенте. Как отмечает В.В. Колесов, у заимствованных концептов слабо развита структура: «Даже при наличии многочисленных признаков они плохо группируются, что свидетельствует о малом времени, затраченном на осознание различных сторон этого концепта и внедрение его признаков в языковую практику» [7, 98].

Из французского языка в английский заимствовались не только существительные, что наиболее типично, но и прилагательные, глаголы, служебные части речи (предлог *except*, союз *because*). Показательно, что заимствованные лексические единицы после диссипации чуждых принимающей системе элементов (например, флексий), подстраиваясь под действие параметров управления, ассимилировались и находили в этой системе свое место, становясь ее неотъемлемой частью.

Процесс заимствования лексики из французского языка происходил на протяжении ряда столетий, однако пик притока новых слов приходится на XIV в. Это хорошо видно на графике (см. рис. 1), построенном нами на основе данных О. Есперсена [15, 93] и А. Боуга [9, 178].

Рис. 1. Динамика заимствований из французского языка в английский

Примечание: по данным О. Есперсена – светлая линия, А. Боуга – темная. На вертикальной оси обозначено число заимствованных слов, горизонтальная ось – ось времени

В первом источнике приведены данные анализа неполной выборки первых ста слов французско-

го происхождения для каждой из первых десяти букв алфавита – всего 1000 слов – из New English Dictionary, где обозначены годы фиксации словоформы в языке. Второй источник содержит проведенный по сходной методике полный анализ заимствованных из французского языка лексем по тому же словарю. Графики практически идентичны. Обращает на себя внимание тот факт, что процесс заимствования проявился не сразу после норманнского завоевания (1066 г.), а спустя почти полтора столетия, и что на период 1251–1400 гг. приходится более 40% всех заимствований.

В сфере словообразования английский язык пополнился рядом аффиксов, которые были заимствованы в составе лексических единиц, а затем были выделены в словообразовательные элементы. Среди них суффиксы *-ance*, *-ence*, *-ant*, *-ent*, *-tion*, *-ity*, *-ment*, префиксы *con-*, *de-*, *dis-*, *en-*, *ex-*, *pre-*, *pro-* и *trans-*, многие из которых имеют латинское происхождение.

Типичным явлением в английском языке стало образование слов-гибридов – присоединение германских суффиксов к французским основам (например: *faintness*, *closeness*; *courtly*, *princely*; *beautiful*, *dutiful*, *colourless*; *courtship*, *companionship*; *dukedom*) и присоединение к исконной германской основе заимствованных суффиксов (например: *shepherdess*, *goddess*; *enlightment*, *bewilderment*; *mileage*, *leakage*, *shortage*; *hindrance*, *forbearance*; *fishery*, *bakery*; *oddity*). По мнению О. Есперсена [15, 106], второй тип словообразовательных гибридов (в отличие от первого) характерен для английского языка, однако практически не наблюдается в других языках. Считаем, что такой факт может служить, с одной стороны, показателем высокой степени влияния французского языка на английскую словообразовательную подсистему, когда чужеродные элементы, становясь неотъемлемой частью новой для них подсистемы, уравниваются в правах с исконными. С другой стороны, это свидетельство самоорганизации английского языка как сложной, открытой, динамичной, развивающейся системы, проявления ее синергетической сущности.

Таким образом, из всех подсистем английского языка лексическая и словообразовательная подсистемы проявили высокую степень анизотропии, пополнившись соответствующими языковыми элементами французского происхождения. На эти же подсистемы неоднократно оказывал влияние еще один язык – латинский.

Заимствования из латинского языка. Влияние латинского языка на английский было самым продолжительным. Первые слова латинского происхождения были заимствованы германскими племенами еще на континенте, до их переселения на Британские острова, в результате торговых связей с древними римлянами. После поселения на Британских островах некоторые слова латин-

ского происхождения вошли в язык англосаксов посредством общения с романизированными кельтами. Принятие христианства, стартовавшее в конце VI в., послужило следующей волной притока латинских слов (наряду с новыми понятиями), связанных с религией и наукой. Последнее событие имело огромное значение для последующего развития культуры британцев.

Н. Блейк рассматривает события, связанные с обращением в христианство, как своеобразное вторжение – вторжение идей и культурных ценностей, важность которого сопоставима с вторжением как физической оккупацией чужой страны [10, 35]. Латынь стала официальным языком церкви и науки в Англии. Английский язык пополнился множеством религиозных терминов, некоторые из которых калькировались, то есть заменялись путем перевода на английский язык (например, *gōdspell* «евангелие», буквально «благая весть»), а другие послужили основой для образования производных слов при помощи германских суффиксов (например, *biscopphād* «епископат»).

Следующий наплыв латинских (и вместе с ними греческих) слов относят к эпохе Возрождения, обогатившей английский язык «учеными» словами. Согласно словарю «Oxford English Dictionary», в современном английском языке общее число заимствований из латинского языка составляет 50 725 лексических единиц – больше, чем из какого-либо другого языка (см. рис. 2). Здесь представлены первые двадцать языков-доноров, из которых английский язык заимствовал лексические единицы в разные периоды своего существования. Вертикальная ось обозначает число заимствованных единиц, по горизонтали отмечены языки-источники с указанием количества лексем, в разное время появившихся в английском языке [14; 16].

Рис. 2. Этимологические источники заимствования в английский язык

Важно отметить, что латинские заимствования раннего периода, наряду с заимствованиями из скандинавских языков, вошли в пласт базового словаря английского языка, в то время как более поздние заимствования пополнили сферу совре-

менной терминологической (научной) и абстрактной лексики. Следует особо подчеркнуть, что подсистема базового словаря является наиболее устойчивым пластом, ядром лексической системы языка в целом, тогда как надстроечный пласт лексики, включающий частично ассимилировавшиеся заимствования, а также неологизмы, связанные с научно-техническим прогрессом и культурно-исторической жизнью общества, характеризуется большей динамичностью и изменчивостью, как следствие – более высокой степенью анизотропии.

Влияние латинского языка на английский не ограничилось исключительно лексическим заимствованием. Система аффиксов пополнилась приставками (например, *ex-*) и суффиксами (например, *-ation*). Получили широкое распространение синтаксические комплексы с неличными формами глагола, созданные под влиянием соответствующих латинских конструкций. Первые грамматики английского языка создавались по образцу преподававшейся в то время латинской грамматики. Отказ от двойного отрицания, широко распространенного в древнеанглийском языке, был вызван, как полагают, влиянием рационалистической латинской риторики, согласно правилам которой двойное отрицание равно утверждению [1, 170–171].

Таким образом, латынь оставила свой след практически на всех системных уровнях английского языка. Такое масштабное влияние одного языка на другой можно объяснить внешними факторами: господством латыни как языка церкви и как языка науки и преподавания; тем, что в отличие от скандинавского или даже норманнского французского языка, с которыми английский язык имел преимущественно *устные* контакты, контакты английского с латинским языком реализовались не только в устной, но и главным образом в *письменной* форме. Это проявлялось в ведении деловой документации, распространении научной, религиозной и позднее светской литературы на латинском языке, практике перевода на латынь и с латыни на английский (последнее фактически способствовало копированию принципов синтаксической организации предложения, включая перенос синтаксических оборотов в английский язык) и так далее.

Подведем некоторые итоги. На протяжении всей своей истории английский язык подвергался неоднократному продолжительному иноязычному влиянию, которое оставило заметный след в разных подсистемах языка (см. табл. 3).

В лингвистике неоднократно отмечалось, что лексические элементы языков заимствуются чаще, в то время как синтаксические структуры имеют тенденцию не поддаваться заимствованию. Э. Даль пишет: «Язык может в любой момент добавить к словарю некоторое существительное, и действительно, в таком языке, как английский, это происходит каждый день. Добавление новых

глаголов – уже несколько более сложная операция, а когда дело доходит до грамматических изменений, они обычно осуществляются посредством специфических процессов; это значит, что некоторый тип грамматической структуры может возникнуть лишь ограниченным числом способов. В некотором смысле новые грамматические структуры «прямо доступны» в меньшей степени, чем новые лексические единицы» [3, 180].

Таблица 3

Проявление анизотропных свойств английского языка

Векторы влияния на английский язык		Языки-источники заимствований			
		кельтские	скандинавские	французский	латинский
Займствованные элементы	Фонемы	нет	нет	да	нет
	Морфемы (аффиксы)	нет	да	да	да
	Лексемы	нет	да	да	да
	Антропонимы и топонимы	да	да	да	да
	Синтаксические конструкции	нет	нет	нет	да
Нормы орфографии		нет	нет	да	да
Форма контакта		устная	устная	Устная/письменная	Письменная/устная
Языковые регистры		диалекты	диалекты	Литературный язык	Литературный язык/научный стиль

Мы полагаем, что языковые единицы тех или иных уровней соотносятся внутри своей подсистемы по-разному, то есть для каждой подсистемы свойственны свои типы отношений и вытекающая из них характерная степень связности (когезии) и согласованности (когерентности), что и определяет неодинаковые анизотропные свойства языковой мегасистемы [5]. Так, например, фонетическая подсистема английского языка обладает потенциально конечным множеством элементов, ограниченным физиологическими особенностями звукопроизводства. Элементы множества этой подсистемы определенным образом связаны друг с другом: отклонение в артикуляции тех или иных звуков может спровоцировать серию соответствующих изменений в других (пример – великое передвижение гласных). Тесное взаимодействие элементов этой подсистемы английского языка (то есть высокая степень когерентности фонетической подсистемы) предопределяет большую

устойчивость этой подсистемы к внешним воздействиям. В области фонетической подсистемы (имеется в виду звуковой состав, а не произносительные нормы) английский язык проявляет низкую степень анизотропии.

Наоборот, самая высокая степень анизотропии характерна для лексической системы английского языка. Внутри этой подсистемы лексические единицы связаны друг с другом разнообразными семантическими и парадигматическими отношениями, образуя определенные кластеры, которые в совокупности придают языку характер сетевой

безмасштабной структуры. Кластеры не являются замкнутыми образованиями, они обладают возможностями разновекторного расширения. Именно поэтому лексическая подсистема английского языка является наиболее динамичной, способной принять новые элементы (тем самым увеличить размеры кластера), отсеять устаревшие и/или заменить старые элементы новыми.

В качестве перспективы последующих исследований видим моделирование механизма заимствования единиц на разных языковых уровнях с использованием синергетических принципов анализа.

Литература

1. Бруннер К. История английского языка / К. Бруннер ; пер. с нем. С.Х. Васильевой ; под ред. Б.А. Ильиша. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 324 с.
2. Груенко С.Е. Заимствования в когнитивном аспекте / С.Е. Груенко // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : матер. I междунар. научн. конф. (5–7 октября 2011 г.) / под ред. И.Ю. Колесова. – Барнаул : АлтГПА, 2012. – С. 99–100.
3. Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности / Э. Даль. – пер. с англ. – М. : Изд-во ЛКИ, 2009. – 560 с.
4. Домброван Т.И. Лингвосинергетика: язык как синергетическая система : [монография]. – Saarbrücken, Deutschland : LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 308 s.
5. Домброван Т.И. Синергетическая модель развития английского языка : [монография] / Т.И. Домброван. – О. : КП ОГТ, 2014. – 400 с.
6. Ильиш Б.А. История английского языка / Б.А. Ильиш. – М. : ИЛИЯ, 1958. – 367 с.
7. Колесов В.В. Языковые основы русской ментальности : [учеб. пособие] / [В.В. Колесов, М.В. Пименова] ; отв. ред. М.В. Пименова. – Изд. 3-е, доп. – СПб. : СПбГУ, 2011. – 136 с.
8. Aitchison J. Language Change: Progress or Decay? / J. Aitchison. – Cambridge : CUP, 2001. – 320 p.
9. Baugh A.C. A History of the English Language / A.C. Baugh, Th. Cable. – Routledge, 2006. – 448 p.
10. Blake N.F. A History of the English Language / N.F. Blake. – Basingstoke ; London : MacMillan Press Ltd, 1996. – 382 p.
11. Burnley D. Lexis and Semantics / D. Burnley // The Cambridge History of the English Language. – Vol. II / ed. by N. Blake. – Cambridge : CUP, 2006. – P. 409–499.
12. Campbell L. Historical Linguistics: An Introduction / L. Campbell. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1998. – 452 p.
13. Gelderen E. A History of the English Language / E. van Gelderen. – Amsterdam : John Benjamins Publ. Co., 2006. – 344 p.
14. Hughes G. A History of English Words / G. Hughes. – Oxford : Blackwell Publishers, 2000. – 430 p.
15. Jespersen O. Growth and Structure of the English Language / O. Jespersen. – Leipzig : Teubner, 1905. – 274 p.
16. Oxford English Dictionary online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oxford-online-dictionary>.